



- 25 См.: *Ненуп Ч.* Армия в Индии, на походе // Военный журнал. СПб., 1850. Кн. III. Отд. 2. С. 113.
- 26 *Valbezen E. de.* Op. cit. P. 126, 130.
- 27 *Ibid.* P. 137.
- 28 *Ibid.* P. 138.
- 29 *Ibid.* P. 56.
- 30 *Ibid.* P. 168.
- 31 *Ibid.* P. 169.
- 32 *Ibid.* 149–150.
- 33 *Ibid.* P. 140–141.
- 34 *Ibid.* P. 142.
- 35 *Ibid.* P. 145.
- 36 *Ibid.* P. 145.
- 37 *Ibid.* P. 22.
- 38 *Ibid.* P. 169.
- 39 *Ibid.* P. 171.
- 40 *Ibid.* P. 180.
- 41 *Ibid.* P. 222.
- 42 *Steadman J. M.* The Myth of Asia. N. Y., 1969. P. 26.
- 43 *Edwards M.* Bound to Exile. The Victorians in India. L., 1969. P.40–41.
- 44 *Beauchamp H. K.* Introduction // Dubois J. A. Hindu, Manners, Customs and Ceremonies. L., 1906, P. XV.
- 45 *Valbezen E. de.* Op. cit. P. 225.
- 46 *Ibid.* P. 55.
- 47 *Ibid.* P. 226.
- 48 *Ibid.* P. 227.
- 49 *Ibid.* P. 231, 311.
- 50 *Ibid.* P. 305.
- 51 *Ibid.* P. 309.
- 52 *Ibid.* P. 303.
- 53 *Ibid.* P. 304.
- 54 *Ibid.* P. 301.
- 55 *Ibid.* P. 73.
- 56 *Ibid.* P. 298.
- 57 *Ibid.* P. 50.
- 58 *Ibid.* P. 133.
- 59 *Ibid.* P. 316.
- 60 См.: *Лучицкая С. И.* Образ другого: проблематика исследования // Восток-Запад: проблемы взаимодействия и трансляции культур: Сб. науч. тр. Саратов, 2001. С. 195.
- 61 Цит. по: *Вальденфельс Б.* Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о «чужом» // Логос. 1994. № 6. С. 77–94.

УДК [94+28](470.62/67)18]

ИСЛАМ В ГОСУДАРСТВЕННО-РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Ф.М. Кулиев

Северо-Кавказская академия государственной службы (филиал),
Пятигорск
E-mail: kyliev_Farman@mail.ru

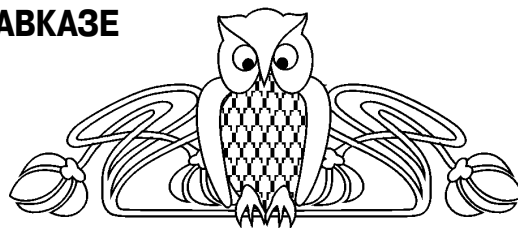
В статье исследуются проблемы выработки эффективной политики государством в отношении различных религиозных конфессий. Во многом от решения вопроса взаимоотношения между государством и различными конфессиями зависела судьба наиболее многоконфессиональной страны того времени – Российской империи. При этом государственная власть должна была учитывать сложившуюся специфику межконфессиональной ситуации в таком регионе, как Северный Кавказ.

Ключевые слова: православие, миссионеры, исламизация, цивилизация, религиозный фактор, язычники, наместник, духовенство, веротерпимость, Кавказская война.

Islam in the State Religions Policy of the Russian Empire in the North Caucasus in the First Half of the Nineteenth Century

F.M. Kuliev

The author of the article analyses the problems of the effective state policy regarding the different religions confessions. The fortunes of the Russian Empire depended on the solution of the problem of interrelations between the state and the different confessions



because Russia was the most multi – confessional country of that period (time).

The state authority had to take into account the specific character of the situation formed in such region as the North Caucasus.

Key words: orthodoxy, missionary-missionaries, islamization, civilization, a religious factor, heathen-heathens (pagan-pagans), governon-general, clergy priesthood, toleration, Caucasian war.

В настоящее время не может не привлекать внимания роль исламского фактора в социально-политической жизни российского общества. Наряду с православием ислам является традиционной для России религией, а мусульманское сообщество представлено коренными народами с многовековой историей. Ко времени их вхождения в состав Руси восходит начало формирования Российского государства в качестве полиэтнического и поликонфессионального образования.

В России более 35 этносов исповедуют ислам, основные очаги его многовекового компактного проживания приходятся на Северный Кавказ и Волжско-Приуральский регион.



У современной России есть все основания не предавать забвению многовековой опыт совместного проживания народов, различавшихся по характеру общественного устройства, по историческому наследию, включая его вероисповедные истоки.

В первой половине XIX в. Российская империя на Северном Кавказе столкнулась со сложной задачей адаптации и включения новых территорий и населения в имперское пространство. Одной из сложнейших проблем, которые пришлось решать, была проблема примирения религий народов Северного Кавказа с российской православной государственностью.

Первым шагом по пути официального признания ислама в качестве «терпимой» религии явился указ Синода о терпимости всех вероисповеданий (1773 г.), согласно которому запрещалось «Архиереям вступать в разные дела, касающиеся до иноверных исповеданий и до построения по их закону молитвенных домов, предоставляя все сие светскому начальству». Тем самым государство напрямую брало на себя обязательство регулирования отношений с неправославным, в том числе мусульманским населением.

Ислам среди горцев активно насаждался с XVI в. Его проповедовали крымские и турецкие эмиссары, имевшие целью утвердить через религию свое политическое влияние на Кавказе и вытеснить христианство.

Невозможно назвать точно столетие, когда Северный Кавказ стал по преимуществу мусульманским, поскольку процесс был асинхронным¹.

В Дагестане ислам окончательно утвердился в конце XVI в., что было связано с переходом в него большинства местных феодалов. В Кабарде ислам стал доминирующей конфессией на рубеже XV–XVI вв., хотя к началу XVII в. «основная масса адыгов продолжала придерживаться полужыческих, полухристианских верований»². В Чечне и Ингушетии ислам утвердился к началу XIX в.³ Все это объясняется тем, что в горах было влияние христианской Грузии. Только с падением грузинского царства горские общества стали понемногу привыкать к обрядам исламизма.

В начале XIX в. исламизация на Северном Кавказе коснулась в первую очередь норм права, быта, частной и общественной жизни горцев северо-западного Дагестана, Чечни и Ингушетии, сохранивших немало противоречащих шариату обычаев и норм обычного права (адат), унаследованных ими от своих частью языческих, частью христианских предков. Ислам распространялся здесь очень медленно. Мусульманство на Кавказе имело соперника в лице язычества. Исламизация народов Северного Кавказа – процесс, медленно совершавшийся на протяжении нескольких столетий, так как у ряда народов Северо-Восточного Кавказа вплоть до начала XIX в. сохранились языческие верования.

Турецкое и иранское проникновение на Кавказ и значительное расширение влияния

некоторых собственно кавказских феодальных государств (как Дагестан или Кабарда) привели к ускорению процесса исламизации. Язычество удержалось теперь только в глубинах гор, уступив на плоскости и в части горных областей место исламу. За этот промежуток времени можно констатировать наличие как суннитских (арабы, турки), так и шиитских (иранцы) влияний на Кавказе. Если же при этом учесть длительное сохранение первоначальных языческих верований, которые у ряда народов Северо-Восточного Кавказа не были изжиты еще в начале XIX в., то станет понятна крайняя религиозная пестрота, наблюдаемая в горах в момент прихода сюда царизма.

Исламизация, по крайней мере внешне, шла более успешно, чем христианизация. Американский биограф Шамиля Дж.М. Макки видел причину в том, что горцы всегда были predisposed к идее предопределения, одной из главных в Коране. Но подлинными мусульманами они так и не стали. Ислам, в его наружной, обрядовой форме, приняли верхние слои общества (там, где они были). В верховья гор он почти не проник. Равнина по своей доступности и социальной почве оказалась более восприимчивой, хотя и здесь основная масса населения относилась к исламу довольно равнодушно, как к чему-то официальному и чужеродному⁴. Адааты и язычество сохраняли свою власть над умами и душами. Впрочем, даже те, кто считались мусульманами, мало чем отличались от своих языческих соплеменников.

Как считает А.В. Малашенко, «христианизация на Северном Кавказе так и не превратилась в один из главных инструментов российской политики. Напротив, российская экспансия стимулировала исламизацию на Северном Кавказе, в известном смысле способствовала консолидации внутри различных этносов, а также между ними»⁵.

В годы правления Александра I, после русско-иранской войны, с новой силой возрос интерес России к Кавказу с появлением на Кавказе генерала А.П. Ермолова. До этого времени Кавказ рассматривался лишь как арена обостряющейся время от времени борьбы трех соперничающих держав – России, Турции и Персии. Ермолов был убежден, что эта богатая экзотическая земля должна принадлежать его сюзерену – российскому императору, и именно этой цели он посвятил всю свою блестящую карьеру на Кавказе.

Генерал Ермолов считал, что усмирение Северного Кавказа – благо не только для России, но и для самих горцев. С его точки зрения, Россия, решая в этом регионе стратегические и политические задачи огромной важности, несла «свет цивилизации» в среду непросвещенных племен и народностей. Облегчало христианскую душу полководца и то обстоятельство, что речь шла о применении оружия против инородческого населения, погрязшего в языческом или басурманском «бескультурье». Говоря о деятельности Ермолова можно констатировать явные признаки



проникновения цивилизации из Европы в Закавказье. По поводу цивилизаторской роли России на Северном Кавказе имеются некоторые интересные данные в западных трудах. Однозначную позицию в оценке итогов присутствия России на Северном Кавказе занимал видный британский публицист и общественно-политический деятель Ричард Кобден. Он признавал, что цивилизация проникала туда медленно и трудно, ибо не просто было отучить людей от веками укоренявшейся привычки к насилию и беспорядку. Тем не менее с утверждением России на Кавказе началось решительное обуздание «хищнических обычаев» местных племен. И не только с помощью силы: возникали города; торговля и сельское хозяйство стали постепенно вытеснять занятия, связанные с войной и грабежом⁶.

Активизация России на Северном Кавказе в годы наместничества А.П. Ермолова отчасти просто совпала с начавшейся там своеобразной религиозно-духовной реформацией, отчасти ускорила ее. Наделенные незаурядными дарованиями местные исламисты задумали грандиозную программу преобразования горских общин на основе их объединения, искореняя языческих пороков и усобиц, жесткой регламентации общественной и личной жизни. По сути, это была попытка осуществления цивилизационной революции в «восточно-деспотическом» направлении. Как водится, концепция всенародного нравственного усовершенствования быстро приобрела воинственно-политические черты и воплотилась в организованное сопротивление внешним врагам-иноверцам и организованное насилие против внутренних врагов-диссидентов.

Со своей стороны и Россия вынашивала не менее масштабные «модернизаторские» планы, но в них преобладал, условно говоря, западный вектор: имперско-государственная власть, внедрение единообразных законов, развитие хозяйства и социальной сферы, культурная «вестернизация», включая миссионерство и т.д. Конечно же, эти преобразования также предполагали вторжение в привычный уклад горской жизни, что не всегда нравилось дагестанским и чеченским общинникам и всегда не нравилось проповедникам суфизма-мюридизма. Далеко не все представители местных социальных элит (там, где они успели сложиться) отвергали Россию. Напротив, многие связывали с ней перспективы кооптации в имперский правящий класс со всеми вытекающими отсюда привилегиями и возможностями.

Можно отметить, что лишь одно обстоятельство объединяло реформаторские планы сторонников продвижения ислама и русских властей на Кавказе. И те, и другие олицетворяли собой внешнее, приводящее и искусственное воздействие на архаическую и вполне устойчивую социальную структуру. Будь она в состоянии сохранять абсолютную герметичность перед лицом этого воз-

действия, не было бы никакой проблемы. Однако в том то и дело, что с виду неподвижная жизнь не могла бесконечно пребывать в таком стабильном равновесии. В ней всегда находилось место для людей с повышенной восприимчивостью и к исламским, и к российским «модернизационным» проектам. И в каком-то смысле горские общества превращались в поле конкуренции идей, представляемых сторонниками ислама, с одной стороны, и российской имперской цивилизацией, с другой.

В конечном итоге именно столкновение двух противоположных реформационных «проектов», отягощенное субъективными и объективными моментами, вылилось в XIX в. в продолжительную Кавказскую войну. Затянувшаяся на несколько десятилетий, она была глубоко феноменальным явлением, которое не исчерпывалось кровопролитными сражениями, а представляло собой сложнейшую по содержанию и эволюции картину. В ней находилось место для ненависти и приязни, жестокости и милосердия, непримиримости и компромиссов, вероломства и святого долга чести. Чем дольше длилась смертельная схватка, тем больше враждующие стороны проникались взаимным уважением и, как это ни покажется странным, – взаимопониманием. Горцы воевали не только против русских, но и между собой, сводя старые счеты и тем самым создавая поводы для новых междоусобиц с очень туманной перспективой когда-либо их разрешить.

Среди предпринимаемых в этом направлении шагов не последнюю роль играл религиозный фактор. С помощью веры российское правительство пыталось воздействовать на нравы воинственных горцев и приобщить их к мирной жизни. Однако подход российских властей к различным конфессиям был дифференцированным. Характер воздействия на ту или иную группу зависел от лояльности российским властям и потенциала. Язычество, например, официально не преследовалось, но в действительности усилила власти были направлены на крещение языческого населения. Еще в 1814 г. по указанию Александра I в Тифлисе была учреждена Духовная Осетинская Комиссия. От нее ждали активной миссионерской деятельности среди горских народов, и наряду с проповедью христианских идей она должна была прививать им мысли о необходимости подчиняться законам Российской империи и выполнять требования кавказской администрации. Но, по словам архиепископа Евгения, «рассматривая действия означенной комиссии, нельзя не заметить чрезвычайно важной ошибки, сделанной проповедниками при самом начале действий ее. Народу полудикому, в коем рассудок не есть путеводитель страстей, от природы жадному к прибыли и по скудности природных средств живущему в крайней нищете, для успеха действий своих она проповедовала свободу и неповиновение властям, законами утвержденными, а также и уничтожение платежа податей в пользу правительства, для тех,



кои примут христианство»⁷. Такой примитивный подкуп не мог дать надежных результатов, а поэтому успехи Осетинской комиссии были более чем скромные. Чтобы хоть как-то оправдаться перед властями за потраченные на содержание Комиссии немалые средства, ее руководство шло на откровенные фальсификации, указывая завышенные цифры числа новообращенных. Как писал в своем рапорте от 5 июня 1828 г. министру внутренних дел генерал Паскевич, «она (т.е. Комиссия) по видимости показывает обращенных в христианскую веру до 62 249 душ, между тем как самое народонаселение в Осетии простирается не далее 15 000». По словам исследователя данного вопроса И. Беляева, грузинские проповедники добивались перехода в христианство за счет «раздачи денег и подарков»⁸. Наряду с данным фактом были и другие примеры насильственной христианизации горцев: «Не желавших казаки связывали, и после сильных побоев поп обливал их водой, а иногда и мазал им губы свиным салом; писарь записывал их имена и прозвания в книгу – как принявших по убеждению святое крещение – и после требовал от таких мучеников строгого исполнения христианских обрядов, коих не только они, но и крестивший их поп не знал и не понимал. За непослушание же подвергали горцев телесным наказаниям, арестам и денежным штрафам»⁹.

Главным политическим требованием Российской империи ко всем ее подданным, в том числе и мусульманам, являлось соблюдение абсолютной лояльности и преданности существующему государственному строю. Важное значение придавалось обряду присяги на верность служению монархии Романовых: присягающий мусульманин должен был, держа руку на Коране, повторять слова присяги, читаемой мусульманским духовным лицом, при этом обязательно трижды поклясться именем Аллаха, по окончании поцеловать слова Корана. Все мусульмане Кавказа обязаны были регулярно возносить молитву «за Русского Царя», текст которой в 1820 г. лично составил генерал А.П. Ермолов¹⁰. Российская империя стремилась внедрить в сознание северокавказских народов новую веру, более подходящую для решения общих задач русского самодержавия на Кавказе.

В проводимой политике на Северном Кавказе руководство Российской империи стремилось к поддержанию «престижа русской власти у иностранцев» не только при помощи твердого правления, но и показывая своими действиями, что «отечество о них заботится и они в нем не чужие». Необходимо подчеркнуть, что хотя царское правительство и способствовало мессианской деятельности Русской православной церкви, но вместе с тем не стремилось к притеснению мусульман, проживавших в империи, терпимо относилось к их религиозным убеждениям. В целом политика правительства в отношении мусульман отличалась осмотрительностью и терпением. Более того, цен-

тральная власть демонстрировала свою заботу о поддержании «магометанской веры».

Военная обстановка постоянно стимулировала готовность царских генералов действовать в решении «мусульманского дела» достаточно крутыми способами. Так, наиболее ранний и известный нам проект организации управления духовной жизнью «покорных» монархии Романовых мусульман-горцев Кавказа относится к 30-м гг. XIX в. Его автором был генерал А.А. Вельяминов, который в 1831–1837 гг. являлся командующим войсками на Кавказской линии и начальником Кавказской области. Он предложил ввести жесткую, «трехуровневую», назначаемую и подчиненную «сверху вниз» иерархию мусульманских духовных лиц (муфтий – старший мулла (эфенди) – мулла). Муфтий и чины его аппарата должны были получать казенное жалование, низшие духовные лица – состоять на содержании местного населения. По плану Вельяминова, все российские служители «магометанского закона» на Северном Кавказе обязаны были помнить, что в случае их возможных «преступлений» против власти они могут тут же быть переданы «суду военному на основании общих постановлений государства»¹¹. Однако данный проект не был реализован, а содержание его достаточно ярко отражает всю остроту «мусульманского вопроса» для Российской империи на Северном Кавказе в первой половине XIX века.

Конфессиональная политика царизма на Северном Кавказе, местные формы государственного регулирования ислама вырабатывались на протяжении достаточно долгого времени и в сложных условиях затяжным конфликтом (Кавказская война).

Еще в 1833 г. император Николай I издал специальное постановление, в котором говорилось: «По указу его императорского величества, самодержца всероссийского, все мусульмане России должны выполнять ее догматы. Вероотступников наказывать следующими тремя способами: первый раз – розгами, второй раз – палками и третий раз – нагайками»¹².

В распоряжении военного министра от 1837 г. командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории Вельяминову поручалось сообщить народам, подведомственным Сунженской, Кабардинской и Кубанской линиям, «О сохранении прав их на земли, веру и обычаи предков. Государь Император изволил поручать отвечать, что никто не думает их лишать сего...»¹³.

Немалые надежды имперские власти возлагали на Духовную академию в Казани (1842 г.), Духовную консисторию (1843 г.), а также на созданные в обоих городах семинарии, где преподавались местные языки. Ставропольские семинаристы, например, изучали осетинский, татарский, кумыцкий языки. Заботой об эффективности миссионерства диктовались такие акции, как расширение состава учащихся, преподавателей семинарий, кадров священников и миссионеров



в целом за счет выходцев из «инородческого» населения; перевод молитв, а затем и всего богослужения на местные языки; публикация миссионерской литературы, апологетической в отношении православия и конфронтационной в отношении ислама.

Побывавшие на Кавказе американские миссионеры Э. Смит и Х. Дуайт признавали, что при всем своем деспотизме Россия в плане веротерпимости (в частности, на Кавказе) может «служить примером иным правительствам, которые кичатся своим либерализмом»¹⁴. В России назначение на высокие гражданские и военные должности нисколько не зависело от вероисповедания кандидата. Однако сохранение Петербургом полновластия ряда местных владетелей на Кавказе, смягчая одни проблемы, обостряло другие. Отсутствие административно-правового единообразия, фактическое изъятие довольно обширных территорий Кавказа из сферы прямого контроля России препятствовало формированию эффективной модели управления краем, решению насущных социально-экономических и политических задач. Некоторые ханы, прикрываясь именем и благорасположением могущественного русского царя, усиливали произвол по отношению к своим подданным, ответный гнев которых теперь можно было отвести от себя и обратиться против русских. Кроме того, лояльность этих ханов к России вызвала большие сомнения. Они поддерживали тайные связи с Ираном и при удобном случае готовы были перейти на его сторону.

Ослаблению напряжения в русско-кавказских отношениях благоприятствовало то, что русская армия помимо ведения военных действия выступала и в качестве созидательной силы. В мирное время она превращалась в большой отряд строителей, занятых на общественных работах. Данное обстоятельство уменьшало социальную напряженность в горской среде.

Что касается методов насаждения исламской и российской моделей реформ, то в принципе они были похожими, сочетая пропаганду, увещевания, подкуп, интриги и насилие.

Во время войны, а особенно после ее завершения, царское правительство заигрывало с мусульманским духовенством, чтобы привлечь его на свою сторону. В этих целях военным властям на Кавказе, в частности вменялось: «Начальник не должен вести себя открыто против духовенства: он должен избегать беседы с ним о религии... но если обстоятельства поставят его в необходимость говорить с эфендиями и муллами о религии, то следует для успокоения их согласиться с ними во многом даже против собственного убеждения»¹⁵.

Кавказская война сопровождалась сменой кодов цивилизационного развития, связанной с распространением ислама и вытеснением адатов, ставка была сделана на поддержку складывавшихся веками местных этнокультурных ценностей и той части населения края, которая вела борьбу с

Шамилем за их сохранение. Действовал принцип «адат против шариата».

Кавказская война – это еще и условное название целой эпохи соприкосновения двух миров – русского и северокавказского. Территориальная граница между ними была далеко не всегда источником и символом вражды. Зачастую становясь границей добрососедства и мирного общения, она играла цивилизующую роль, способствовала сближению и взаимопроникновению разных культур.

Проповедью христианства российская администрация не ограничивалась. Для борьбы с учением мюридов она прибегала к их же методам, стремясь с помощью Корана привлечь на свою сторону горское население. Подобная практика применялась в свое время Ермоловым, который составил молитву для мусульман Кавказа. В ней верующие должны были просить у Бога милости для российского самодержца¹⁶.

В 1836 г. контрпропаганду пытались вести против Шамиля. Кавказское командование готовит ряд мер, которые позволили бы подчинить влиянию царизма дагестанское духовенство. Религиозной пропаганде мюридизма самодержавие хочет противопоставить свою религиозную магометанскую пропаганду. Для достижения этой-то цели выплывает широкий проект подчинения всего горского суннитского духовенства специальному духовному лицу. С этой целью на Кавказ был приглашен казанский эфенди Таж-ад-Дин Мустафин. Он должен был призывать горцев подчиниться российской власти и выдать Шамиля, а также «возносить молитвы великому императору, служа ему от всего сердца, чтобы получить за малую работу большее вознаграждение, каждодневно возносить молитвы ему по утрам и по вечерам с целью пробудить в его душе милосердие к подданным..., а его душа освободилась от горестей...»¹⁷. Но данная акция успеха не имела. Проповедь могла вестись только под непосредственной охраной или царских войск, или преданных царизму ханов. В горы проповедник не рискнул показываться, так как дагестанцы заявили, что они в его проповеди не нуждаются.

В 1841 г. главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом генерал Е.А. Головин писал военному министру князю А.И. Чернышеву: «Можно сказать утвердительно, что мы еще не имели на Кавказе врага лютейшего и опаснейшего, как Шамиль. Стечением обстоятельств власть его получила характер духовно-военной...»¹⁸. Усилие Шамиля было связано не столько с его военными успехами и военными неудачами Отдельного корпуса, сколько с социальными процессами, которые происходили в горах. Иначе говоря, имам Шамиль оказался в удивительно выгодной идеологической позиции, которой не обладал ни один из его предшественников. Пожалуй, лучше всего о том сказал генерал Р.А. Фадеев в своем аналитическом труде «Шестьдесят лет Кавказской войны»:



«...Главная опасность для русского владычества на Кавказском перешейке состояла не столько в неодолимости гор, как в настроении племен, окружающих горы... Все вокруг мюридов не только сочувствовало им, но даже было направлено почти официально к тому, чтобы при первой возможности протянуть им руку... Мюридизм напрягал все силы, чтобы истребить местных правителей и высшие сословия, искоренить стародавние народные обычаи, разделявшие и отличавшие племена, заменяя их повсеместным владычеством шариата и духовенства. Кавказское начальство делало то же самое в покорных обществах, по вполне понятной причине: ему легче было основать народное управление на шариате, писанном законе, чем на неизвестных племенных обычаях, которое надо было еще привести в ясность и узаконить в такое время, когда на Кавказе не существовало даже правильно организованных местных властей...»¹⁹.

Идя трудными путями, процесс взаимопознания способствовал взаимоотерпимости и взаимному осознанию одной «элементарной» истины: фактор соседства – коль скоро нельзя избавиться – можно и нужно использовать с выгодой – хозяйственной, культурной, политической.

Зачастую русско-казачьи станицы и горские аулы без всяких посредников договаривались между собой о мире и добрососедстве невзирая на то, что вокруг шли сражения и лилась кровь. Поссорить не могли ни Шамиль, ни царь, ни вера, ни «народность».

Обращение к многовековой истории России позволяет уяснить, что из арсенала предшествующего строительства не прошло проверки временем, что явно устарело, и что не соответствует современным задачам Российской Федерации. Главное же – освоение логики преемственности прошлого с настоящим дает возможность конструктивно учесть уроки истории, освободившись от разного рода мифологизации и политизированных стереотипов.

УДК 9(470) «18» Достоевский

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ И РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877–1878 ГОДОВ

С.А. Кочуков

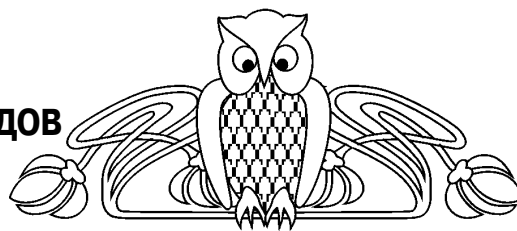
Саратовский государственный университет
E-mail: kochukovsa@mail.ru

В статье рассматриваются взгляды знаменитого русского писателя Федора Михайловича Достоевского на Балканский кризис 1877–1878 гг., на природу вооруженных катаклизмов, проводятся исторические параллели отношений различных политических и общественных деятелей России 70-х гг. XIX в. к Русско-турецкой войне 1877–1878 годов.

Ключевые слова: русская армия, политический конфликт, война, общественное мнение.

Примечания

- 1 См.: Малащенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2001. С. 20.
- 2 Ханаху Р.А., Цветков О.М. Религия и кавказская война в контексте исследования менталитета адыгов // Наука, религия, гуманизм. М., 1996. С. 154.
- 3 Там же. С. 20–21.
- 4 См.: Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властелин, воин. М., 2001. С. 31.
- 5 Малащенко А.В. Указ. соч. С. 79.
- 6 Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2003. С. 82.
- 7 Беляев И. Русские миссии на окраинах: Историко-этнографический очерк. СПб., 1900. С. 116.
- 8 Там же. С. 117.
- 9 Цит. по: Дегоев В.В. Указ. соч. С. 242.
- 10 См.: Арапов Д.Ю. Ермолов А.П. и мусульманский мир Кавказа // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. М., 2001. № 6. С. 56–57.
- 11 См.: Генерал А.А. Вельяминов и управление духовной жизнью горцев Кавказа / Публ. Д.Ю. Арапов // Источник. 2003. № 5. С. 18.
- 12 Цит. по: Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов н/Д, 2003. С. 266.
- 13 РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 281. Л. 1 об.
- 14 Цит. по: Дегоев В.В. Указ. соч. С. 70.
- 15 ЦГАРФ. Ф. 866. Оп. 1. Д. 21. С. 16.
- 16 См.: Чекменев С.А. Иностранцы поселения на Ставрополье в конце XVIII и первой половине XIX в. // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1971. Вып. 12–13.
- 17 Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-е гг. XIX века: Сб. документов. Махачкала, 1959. С. 167.
- 18 Шилов А.В. Схватка за Кавказ. XVI–XX вв. М., 2005. С. 303.
- 19 Цит. по: Шилов А.В. Указ. соч. С. 303–305.



F.M. Dostoevsky and Russian-Turkish war 1877–1878

S.A. Kochukov

In article sights of well-known Russian writer Feodor Mihajlovicha Dostoevsky at the Balkan crisis on the nature voo-ruzhennyh cataclysms are considered 1877–1878. As spend parallels in history of relations various political and public figures of Russia of 70th of XIX century from-nositelno Russian-Turkish war 1877–1878.

Key words: russian army, political the conflict, war, opinion.